

юхой хлеба⁴⁰⁷ генерал Марков. Завязавшийся разговор шёл всё о том же – о пассивной роли бригады. Марков подбадривал артиллеристов, но, прислушиваясь к канонаде, всё отдалявшейся от переправы, и сам повторял то и дело: «Чёрт знает что...»

Во второй половине дня переправился⁴⁰⁸ и пошёл в станицу 1-й взвод батареи. В полночь – 2-й. К утру 29 марта (11 апреля) вся Армия была уже на правом берегу. Переправа, блестяще проведённая Корниловым, завершилась.

6.12.4. Штурм

С рассветом большевики по всей линии повели интенсивный артиллерийский огонь добровольческих позиций. Преимущество их в огневой мощи было подавляющим, так как в сравнении с добровольцами накопленные запасы боеприпасов казались неограниченными⁴⁰⁹. Все без исключения источники утверждают: снарядов и патронов красногвардейцы не жалели. И под этим огнём офицерские цепи, пытавшиеся двинуться в атаку, тут же залегали вновь и вновь⁴¹⁰. Продвижения не было, а потери росли. Особенно тяжёлой была обстановка на фронте Корниловского полка, методично расстреливаемого советской артиллерией на открытой местности. К тому же большевики, кроме фронтального обстрела, вели также и фланговый огонь из артиллерийских

⁴⁰⁷ Марков был приглашён чинами батареи «на мамалыгу». На левом берегу в аулах хлеба не было совершенно.

⁴⁰⁸ Чтобы не вносить рознь между номерами «старых» и вновь влившихся орудий, Миончинский сформировал взводы смешанными. В каждом одно орудие было из состава 1-й батареи, другое – из 4-й. В 1-м взводе, командовал которым сам Миончинский, были орудия: 1-е штабс-капитана Шперлинга и 3-е подьесаула Золотарёва. Во 2-м (командир подполковник Михайлов) – 2-е орудие поручика Казанли и 4-е капитана Рудницкого.

⁴⁰⁹ По разным данным Армия располагала от 1000 до 1500 артиллерийскими снарядами, распределёнными по батареям. Советская артиллерия имела их десятки тысяч.

⁴¹⁰ 2-я отдельная батарея полковника Л.М. Ерогина поддерживала огнём добровольцев, атакующих противника, по сути, по двум расходящимся направлениям. Огонь в силу этого не мог быть сосредоточенным, накрывались визуально выявленные наблюдателями цели. К тому же запас снарядов быстро иссякал. Уже и в начале боя на 10-15 снарядов, выпущенных большевиками, батарея отвечала двумя-тремя.

казарм. Весь правый фланг «корниловцев» в том числе и по этой причине не мог наступать, сдерживая остальных.

Партизанский полк, растянутый почти на два километра от Кубани до Елизаветинского тракта, также не оставлял попыток продвинуться вперёд. Очевидно было, что без занятия казарм, города не взять. «Партизаны» готовились к новой атаке, и тут им помог случай. На рассвете удачно пущенная граната разорвалась прямо на земляном валу перед артиллерийскими казармами. Показалось, это поколебало стойкость красногвардейцев. Казанович решил не упускать шанса и приказал атаковать. Цепи поднялись, но далеко продвинуться им не удалось. Большевики оправились, и, встреченные огнём, добровольцы вынуждены были отойти на исходные позиции.

Во время атаки выбежавший вперёд полковник Писарев был ранен в ногу. Сдавать полк Казановичу теперь было уже некому. К тому же после относительно благополучного ночлега и перевязки, произведённой доктором 1-го Кубанского полка, он чувствовал себя куда лучше. Генерал остался в строю. После неудачной атаки он доложил Богаевскому, что казармы взять необходимо, но без специальной артиллерийской подготовки сделать это невозможно.

Для указания выявленных целей он просил прислать к нему артиллерийского наблюдателя, что и было сделано. Когда офицер-артиллерист 2-й батареи прибыл, Казанович указал ему основную задачу – валик перед казармами, и приказал немедленно подобрать место для наблюдательного пункта. Выяснилось, что в батарее не хватает телефонного провода. Вследствие этого Казанович перенёс атаку на 15 часов. Однако к этому времени в распоряжение Партизанского полка прибыл Марков со штабом...

Лишь у Эрдели дела складывались относительно благополучно. Конница заняла Сады⁴¹¹, обойдя с севера Черноморский вокзал, пересекла железную дорогу, но атаковать городские кварталы и линию окопов перед ними не могла. Эрдели намеревался продолжить рейд на Пашковскую.

⁴¹¹ Садово-дачные участки значительной протяжённости, расположенные в то время к северо-западу от городских кварталов.

Все надежды связывались теперь с подходом только что переправившейся 1-й бригады. Офицерский полк, так и не успевший зайти в станицу, прямо от берега походным маршем уже двигался к городу. За ним, не отставая, следовала 1-я инженерная рота и на некотором удалении взвод 1-й батареи. Обоз оставался в станице под прикрытием Чехословацкого батальона. У реки стал на позицию и 2-й взвод 1-й батареи. Угроза нападения вооружённых катеров и высадки десанта в незащищённом тылу представлялась командованию реальной.

Марков уехал вперёд, в штаб. Там он встретил у порога Романовского:

– Чёрт знает что! – возмущался генерал. – Раздёргали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной коляски к обозу пришили. Пустили бы сразу со всей бригадой, я бы уже давно был бы в Екатеринодаре!

– Не горюй, Серёжа, – усмехнулся в ответ Романовский. – Екатеринодар от тебя не ушёл...

К полудню полк уже подходил к ферме⁴¹². Тут добровольцы подкрепились и отдыхали около часа. Последовал приказ проверить оружие. В случае изношенности подобрать замену из многочисленных винтовок, брошенных накануне отступившими красногвардейцами. И в обязательном порядке примкнуть штыки. Во второй половине дня полк, выстроившись в колонну, проследовал дальше. Лишь взвод 1-й инженерной роты рассыпался у берега. Через кожевенные заводы и горевшие тут и там кварталы предместья «марковцы» стали, наконец, выходить передовыми подразделениями к линии Партизанского полка.

К часу дня прибыл и Марков со штабом, который сообщил Казановичу, что на его 1-ю бригаду возлагается взятие артиллерийских казарм и продвижение до Сенной площади. 2-я же бригада должна была занять район городского кладбища. По

⁴¹² Взвод 1-й батареи, временно подчинённый Богаевскому, стал на позицию в пятистах метрах севернее фермы. Позднее взвод рассредоточился. Орудие штабс-капитана Шперлинга было передвинуто вперёд и вправо. Неподалёку, на господствующем над местностью бугорке, находился и общий наблюдательный пункт. Подвергавшиеся непрерывному обстрелу телефонисты отрыли окопчик, но избежать потерь не удалось. Вскоре один из них был ранен, а начальник команды капитан Яницкий – убит.

достижении указанных рубежей бригадам предписывалось остановиться и ждать дальнейших указаний⁴¹³. Начало атаки было назначено на 17 часов.

Казанович передал Маркову командование, обрисовал создающуюся обстановку. Условились, что как только части 1-й бригады сменят Партизанский полк, Казанович во главе его тут же перейдёт на участок 2-й бригады. Впрочем, сделать это было непросто. Советские артиллеристы из казарм продолжали обстреливать как позиции «партизан», так и предместье. Многие дома уже горели. И в этих условиях офицерские роты не могли быстро сменить «партизан». Им приходилось двигаться параллельно линии через дворы и проломы в заборах.

Смена затянулась на продолжительное время. Когда она, наконец, была произведена и Казанович построил 2-й батальон Партизанского полка, выяснилось, что в нём осталось всего 150 штыков. Через предместья генерал вывел своих людей к Елизаветинскому тракту и расположил в укрытии за холмом, за правым флангом Корниловского полка. Сам он с пятью сопровождающими направился к кургану, где оставил накануне Неженцева. По дороге генерал наткнулся на разворачивавшихся в цепь казаков-елизаветинцев. Их было до двух сотен. Только что присоединившиеся к Армии, они были затребованы Неженцевым для усиления истекающего кровью Корниловского полка, но, обстрелянные, залегли и к линии не продвигались.

Казанович поднял казаков и довёл их до кургана. Вскоре все они уже влились в цепь «корниловцев», окопавшихся вдоль ручья, перед которым ниже по течению захлебнулись ранее и атаки полковника Писарева. За то время, пока Казанович добрался до Неженцева, из пяти сопровождающих трое были ранены. Сообщив о прибытии его и 2-го батальона и о готовности поддержать «корниловцев», генерал спросил:

– Отчего вы не переменили место? Что вам за охота сидеть сутки на этом проклятом кургане? Сколько вы здесь уже потеряли людей! Здесь быть убитым только вопрос времени...

За сутки советские артиллеристы хорошо пристрелялись.

⁴¹³ По-видимому, предусматривалась перегруппировка сил с целью мощного удара и охвата остающихся в городе красногвардейцев с одного из флангов.

Снаряды один за другим ложились и у подножья холма и на его вершине. Ружейный и пулемётный огонь противника также не прекращался ни на минуту, а едва лишь на кургане просматривалось движение, становился ещё более интенсивным. За то время, пока Казанович с Неженцевым обменялись несколькими фразами, снарядом был в клочья разорван один из ординарцев. Оpoznать его по останкам так и не могли, пришлось проводить переключку среди живых.

Тем не менее, подполковник переходить со штабом на другую позицию не собирался. Казановичу он ответил в том смысле, что с вершины открывается лучший обзор, и за ночь они успели окопаться. Окопы, как заметил Казанович, были весьма слабыми, но он не настаивал. Неженцев оставался на кургане, конечно же, не из-за обзора. Прежде всего, он хотел показать своим подчинённым, что противник, как бы силен он ни был, не в силах помешать добровольцам осуществить их намерения. К тому же до атаки, которая и должна была решить всё разом, оставалось уже немного.

Тем временем Офицерский полк занимал исходные позиции. Четыре его роты сменили ушедших «партизан». В резерве во второй линии была поставлена за правым флангом 6-я рота, за левым – 4-я. 1-я инженерная рота стала у самой реки. Кроме того в ближнем тылу расположился приводивший себя в порядок батальон 1-го Кубанского полка. До атаки оставалось ещё больше часа. За это время Марков успел обойти и нацелить свои подразделения.

Задача оставалась прежней – взять артиллерийские казармы. 1-я и 2-я роты, охватывали их справа, 5-я – атаковала в лоб. Батальон Кубанцев готов был поддержать атакующих. Договорились о поддержке и с артиллеристами. Условились, что атаке будет предшествовать артиллерийская подготовка, в ходе которой 1-й взвод выпустит 7 снарядов⁴¹⁴.

⁴¹⁴ Это число – 7 снарядов, озвученное полковником Третьковым, находит подтверждение и в других источниках. Думается всё же, ограниченное количество снарядов, выпущенных в ходе подготовки, объясняется не их нехваткой. Батарея в бой, и то, по частям, только лишь вступала. Снарядов, конечно, было недостаточно, но к этому времени вовсе не так уж мало. Ещё больше суток батарея из боя не выходила (при этом, по приказу передала 20

К моменту атаки Марков находился среди добровольцев левофланговой 5-й роты. Он огляделся вокруг, посмотрел на часы. Наконец взвод 1-й батареи повёл по казармам беглый огонь. Разрывы накрыли вал и укрывающихся за ним красногвардейцев Ейского батальона.

– Ну, видимо без нас дело не обойдётся, – сказал Марков бывшим с ним офицерам, и, подбежав в цепь, выкрикнул. – Друзья... В атаку! Вперёд!

Роты устремились к казармам и успели преодолеть ручей и проскочить до половины расстояния, прежде чем большевики опомнились и возобновили огонь. Открытый с расстояния в триста шагов, он оказался настолько плотным, что цепь 5-й роты не выдержала и залегла. Но от предместья бежали уже Кубанцы. И впереди цепи – генерал Марков, размахивающий своей белой папашой.

– Вперёд! – кричал он. – Ещё немного и казармы наши! Ура!

Рота вскочила в едином порыве, и через минуту была уже на валу. Задержавшиеся на нём красногвардейцы тут же были переколоты. Более благоразумные толпами бежали к казармам, стремясь поскорее скрыться в зданиях. Многие, не останавливаясь, вливались в улицы и бежали дальше. Им стреляли в спину. Прапорщик Гольдшмидт лёг за оставленный исправный пулемёт и успел дать две длинных очереди, пока добровольцы, преследуя противника, не забежали перед ним.

Из зданий стреляли в ответ. Далеко не все красногвардейцы бежали с поля боя и теперь, укрывшись за стенами, пытались возобновить сопротивление. Их забросали взятыми на валу гранатами. В несколько минут казармы были заняты и очищены от противника. 5-я рота, пройдя их насквозь, вышла к западному, обращённому к Екатеринодару фасу. До домов оставалось 400 метров открытого пространства. Казалось, ещё рывок, и Армия войдёт в город.

снарядов 2-й батареи), и при отходе сохранила именно семь снарядов. Вероятнее всего, сам Марков попросил Миончинского до предела сократить продолжительность артналёта. Успех атаки зависел в создавшихся условиях не от ущерба, нанесённого противнику в ходе подготовки, а только лишь от её стремительности.

Добровольцы увидели невдалеке два орудия, продолжавших вести огонь. Взвод капитана Чупихина бросился было к ним, но, обстрелянный с фланга, вынужден был отказаться от попытки захвата. Немало красногвардейцев, не успевших отойти в город, были вытеснены с территории казарм к югу. Там они, укрывшись за межевыми изгородями из густо засаженного кустарника, в большом количестве засели в огородах в излучине реки. Обстреливали казармы, а главное, нависая над правым флангом, делали невозможным дальнейшее продвижение к городу. К тому же наступление 2-й бригады задерживалось или срывалось, и левый фланг Офицерского полка также оказался оголён⁴¹⁵.

Марков начал закрепляться на занятом рубеже. Однако мысли о том, чтобы войти в Екатеринодар, он не оставлял. К командиру 2-й бригады были высланы два офицера связи. Оба погибли. Третий, прапорщик Гольдшмидт, до кургана добрался. Он доложил Неженцеву о том, что казармы взяты, и Марков просит возобновить наступление на участке 2-й бригады, что даст 1-й возможность ворваться в город.

Неженцев приказал атаковать. Цепь лежавших вперемешку «корниловцев» и «партизан», поднялась к краю оврага, но встреченная ураганным огнём, тут же залегла вновь. Неженцев понимал, что в таком бою одна удачная атака могла опрокинуть противника и решить всё. Он поспешил спуститься с холма, перебежал овраг и попытался поднять людей.

– Корниловцы, вперёд! – крикнул подполковник.

Тут же пуля ударила его в голову. Неженцев упал, попытался подняться, но, сделав лишь несколько шагов, новой пулей был сражён наповал. Потрясённые его смертью добровольцы и казаки-елизаветинцы отхлынули в окопы и на дно оврага. Атака остатков Корниловского полка захлебнулась.

Добровольческая армия располагала целой плеядой замечательных во всех отношениях командиров. В большинстве они являлись людьми весьма неординарными. Но и среди них

⁴¹⁵ Бригада вынуждена была остановиться также и вследствие огромных потерь. Взятие артиллерийских казарм обошлось дорого, до двухсот «марковцев» были убиты и ранены.

подполковник Митрофан Осипович Неженцев выделялся и даже стоял несколько особняком. Этот знающий, вдумчивый офицер был предан лично Корнилову душой и телом. Имеющий, несомненно, свой взгляд на вещи, Неженцев всегда и везде руководствовался видением ситуации и волей Командующего. Многим даже казалось, что он являлся орудием в руках Корнилова, но это было не так. Преданность Неженцева к Корнилову основывалась на общности взглядов, оценки событий и представления о том, что следовало делать дальше. Весь жизненный путь, все чаяния и вся борьба Корнилова были поняты и безоговорочно приняты Неженцевым. Суровый Командующий ценил эту преданность куда выше многого остального. И, в известном смысле, отвечал тем же.

М.О. Неженцев

Отношения их не сводились к отношениям начальника и подчинённого. Это были единомышленники. Более того, – понимающие друг друга с полуслова, преданные друзья. Та моральная связь, что незримо протянулась между ними и которую замечали все, казалось, вела их по жизни одной дорогой. Стоит ли удивляться, что даже и смерть далеко не сразу сумела разлучить этих людей? Во всяком случае, до тех пор, пока их тела находились под защитой добровольческих штыков...

Имя и судьба Неженцева неразрывно были связаны с созданным им Корниловским полком. В нём не было и не могло быть людей случайных. Таковые отсеивались сразу же, так как служба сулила лишь одно – умереть за предложенную Корниловым идею. Верную, ошибочную ли, вопрос другой. Постепенно вследствие огромных потерь, состав полка размывался. Всё меньше оставалось в нём «старых корниловцев», и всё труднее было поднимать в атаку цепи. Но Неженцев до самой последней

минуты неизменно их поднимал. Этот бесстрашный цельный человек внушал подчинённым такое уважение, что, поддаваясь его примеру и порыву, они готовы были вновь и вновь идти за своим командиром на смерть.

Казалось, с гибелью Неженцева, о попытках 2-й бригады возобновить атакующие действия оставалось только лишь мечтать. Но случилось неожиданное. Большевики сами отвели части в город⁴¹⁶. И организованный ничтожными силами удар сопротивления не встретил, так как пришёлся в образовавшуюся пустоту...

6.12.5. Рейд генерала Казановича

Когда Неженцев скрылся в овраге, стрельба на короткое время усилилась, но никакого движения Казанович впереди себя не отметил. Зная о просьбе Маркова, он посчитал необходимым бросить в атаку последний резерв, 2-й батальон Партизанского полка. Едва «партизаны» подошли к кургану, Казанович стал во главе их и повёл вперёд. Советские пулемётчики обстреляли батальон, но заходящее солнце било им в глаза. Прицел был взят слишком высоко. Пули веером летели над головами, но обошлось без потерь, что прибодрило павших было духом добровольцев. Вышли к оврагу. На дне его лежали у ручья казаки-елизаветинцы⁴¹⁷.

– Здесь лежит тело убитого командира Корниловского полка, – сообщили они генералу, – *и мы не знаем, что делать...*

– Идите со мной в Екатеринодар! – был ответ.

После некоторого колебания к батальону присоединились до сотни казаков. Едва цепь поднялась по склону, как была встречена огнём. Но тут же он прекратился. Красногвардей-

⁴¹⁶ О том, как в тактическом плане осуществлялась оборона Екатеринодара, источники дружно умалчивают. В числе немногих, лишь И.Л. Хижняк позволяет себе говорить хотя бы что-то. Вот его слова, проливающие свет на причину столь лёгкого проникновения отряда Казановича в город: «Командир отряда Чёрный в разгар боя вздумал сменить на позициях свои части. Этим воспользовались корниловцы и ещё дальше продвинулись в глубь города».

⁴¹⁷ Все почти «корниловцы» погибли при атаке.